

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-65-74

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМЫ ГОЛОДА 1932–1933 ГГ.
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ФРЕЙМ-АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ**

Е. А. Варфоломеев

Варфоломеев Егор Алексеевич, аспирант,
факультет социальных наук, Департамент политики и управления, Аспирантская школа по политическим наукам,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: egor_varf@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5349-9448. Researcher ID: ABE-3755-2021).

Аннотация

Политическое использование прошлого стало важным инструментом формирования идентичностей. Постсоветские страны, активно пользуясь прошлым, демонстрируют различные стратегии обращения с ним. Рассматривается случай политического использования темы голода 1932–1933 гг. в Казахстане. В первую очередь использование темы этого голода ассоциируется с Украиной, но начиная с 2012 г. в Казахстане голод 1932–1933 гг. стал одним из инструментов формирования национальной идентичности. В центре внимания этого исследования оказались публичные выступления властвующей элиты Казахстана. Целью данной статьи стало определение динамики фреймирования голода в речах президентов Казахстана и их представителей. Для этого был использован динамический фрейм-анализ Яноу и ван Хульст. Основные вопросы данной статьи – как фреймируется голод 1932–1933 гг. властвующей элитой и какие общие и расходящиеся черты можно выделить, сопоставляя между собой фреймирование соперничающих нарративов. В результате анализа было показано, что властвующие элиты Казахстана фреймируют голод как искусственно созданную трагедию, не акцентируя внимание на виновном. Выстраиваемый официальный нарратив, таким образом, отличается от соперничающих нарративов дипломатичностью формулировок, как способствуя сохранению внутреннего баланса, так и не приводя к войнам памяти на международной арене, что отличает случай Казахстана от случая Украины.

Ключевые слова: Республика Казахстан; политика памяти; политическое использование прошлого; фрейм-анализ; нарративы; голод 1932–1933 гг.

Распад Советского Союза запустил процесс национального строительства в бывших союзных республиках, совпавший с государственным и экономическим переходами. Спустя 30 лет после начала этого процесса мы можем выделить как общие, так и особенные стратегии формирования национальных идентичностей. Обращение к исторической памяти постсоветскими странами стало общим местом для достижения этой цели (Finkel, 2010: 51–52). Однако существенным различием является то, как эти страны работают с исторической памятью, что в конечном итоге не только сказывается на внутреннем уровне политики, но и становится основанием для международных конфликтов (Finkel, 2010: 58).

Руководства ставших суверенными после распада СССР государств столкнулись с проблемой формирования национальной идентичности ввиду невозможности опереться на легитимность прошлых построений, что поставило перед ними задачу скорейшего формирования нации, связанной с государством (Rutland, 2023: 14). Память о прошлом – важная опора для формирования национальной идентичности (Malinova, 2021: 997). Однако этот процесс сопряжен с использованием политически пригодного для этого прошлого.

После 1991 г. часть бывших советских республик активно обвиняли друг друга в геноциде или других преступлениях (Finkel, 2010), что можно рассмотреть на примере политического использования темы голода 1932–1933 гг. Массовый голод 1932–1933 гг. охватил обширные районы СССР (Кондрашин, 2018: 6–8). Его основные очаги находились на территориях современных Казахстана,

России и Украины (Кондрашин, 2018: 6–8). Среди ключевых причин его начала называют неблагоприятные климатические условия и форсирование начатой ранее коллективизации. Тема голода в наши дни по-разному отражена в политике памяти – от забвения в России до признания геноцидом в Украине (а также ряде стран и международных организаций). Это приводит к мнемоническим войнам между странами, так как Россия (как преемница СССР) обозначается Украиной виновной в голоде, а также мнемонический конфликт находит отражение на национальном уровне. На этом фоне выделяется случай Казахстана, где память о голоде 1932–1933 гг. в последнее десятилетие тоже стала занимать заметное место в политике памяти страны – происходит инструментализация темы голода, становящегося предметом коммеморации, что, однако, не вызывает как сильных внутренних прений, так и острой реакции со стороны России.

В фокусе этой статьи находится официальный нарратив о голоде 1932–1933 гг., его эволюция и соотнесение с конкурирующими нарративами. Понимая политику памяти как соревновательное поле, не стоит забывать о его нахождении в публичном пространстве, что создает для акторов политики памяти возможность как оспаривать интерпретации прошлого, так и заимствовать их, поэтому, прежде чем перейти к анализу официального нарратива, будет дан краткий обзор соперничающих нарративов, под которыми понимаются нарративы о голоде 1932–1933 гг. групп, не входящих в правящую либо переставших быть ее частью. Основной вопрос данной статьи – как фреймируется голод 1932–1933 гг. в нарративе властвующей элиты Казахстана и какие общие и расходящиеся черты можно выделить, сопоставляя между собой фреймирование голода в соперничающих нарративах.

Таким образом, в начале статьи дано краткое описание соперничающих нарративов, а далее проведен анализ выступлений властвующих элит Казахстана с учетом данных, представленных в первом подразделе; в конце статьи даны основные выводы.

Теоретические основания и методология

Дж. Кокли отмечает, что в националистических нарративах, как правило, прослеживается тенденция к формированию позитивного образа нации посредством включения в нарратив памяти о героических эпизодах прошлого (Coakley, 2012). А. Ассман указывает, что трагические эпизоды, интерпретированные в героическом ключе, также могут быть включены в нарратив о нации (Ассман, 2019). С другой стороны, как отмечают исследователи, при формировании национальных нарративов государства сталкиваются с трудным прошлым, которое Дженнифер Диксон определяет как событие прошлого, связанное с нарушением прав человека (геноцид, депортации, репрессии и прочее), вину за которое несет государство или его правопреемник (Dixon, 2018). Трудное прошлое принципиально отличается от героического или героически интерпретированного, а его политическое использование идет вразрез со стратегиями построения национальной идентичности вокруг последних (Dixon, 2018).

Работа с трудным прошлым обычно происходит по двум сценариям. Первый – забвение, которое предполагает замалчивание или отрицание событий прошлого (Heisler, 2008: 16). Подобная ориентация на героическое прошлое способствует консолидации нации, однако не снимает противоречий, вызванных маргинализированной памятью о трудных событиях прошлого, что ведет к внутренним и внешним мнемоническим войнам (Heisler, 2008: 17–18). Второй – примирение с прошлым, которое предполагает проработку случившихся трагических событий и примирение сторон по итогам дискуссий, способствующих преодолению доминирующего фрейминга трудного прошлого (Art, 2006). В литературе отмечают, что способствуют преодолению забвения смена режима в государстве, международное давление, демографические изменения, деятельность ассоциаций жертв, изменение социальных норм (Malinova, 2021: 999). Оппозиция этих двух подходов укладывается в представление о политике памяти как о соревновательном поле, в рамках которого мнемонические акторы борются за продвижение собственной интерпретации коллективного прошлого (Malinova, 2021: 997).

На протяжении советского периода тема голода 1930-х гг. была предана забвению и стала широко обсуждаться в Казахстане только с конца 1980-х гг. (Richter, 2019: 483). Волну массового обсуждения в начале 1990-х гг. сменили десятилетия забвения со стороны властей уже независимой страны, но не со стороны оппозиции, которая на протяжении 20 лет развивала свой нарратив о голоде 1932–1933 гг. (Richter, 2019: 483–484). До 2012 г. официальные власти старались не затрагивать тему голода, а после призывали «не политизировать вопрос»¹. Вполне вероятно, это было вызвано двумя

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932–1933 гг., *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. 2012. URL:

причинами. Первая – курс Назарбаева на построение гражданской нации (Кэмерон, 2020: 184). Вторая – нежелание портить отношения с соседней Россией (на фоне конфликта России и Украины из-за интерпретации последней голода 1932–1933 гг. как геноцида) (Кэмерон, 2020: 184), а также курса Казахстана на сближение с Россией в экономическом плане, что не способствовало формированию негативного образа РФ в казахстанской политике памяти (Плотников, 2018).

Однако начиная с 2012 г. можно отметить значительный рост внимания к теме голода 1930-х гг. в политике памяти Казахстана: в большинстве областных городов созданы мемориалы жертвам голода, поминовение его жертв включено в День памяти жертв политических репрессий, к которому приурочены выступления первых лиц страны, посвященные как репрессированным, так и жертвам голода. В программной статье «Независимость превыше всего» президент Казахстана К-Ж. Токаев одним из ключевых направлений политики Казахстана на четвертое десятилетие его независимости называет «модернизацию сознания»¹, цель которой – формирование нации, адаптированной к современным реалиям. В рамках «модернизации сознания» Токаев предлагает написать историю без белых пятен, особо уделяя внимание событиям как «золотого века» истории страны – периода существования Золотой Орды, так и трагическим моментам XX в. – преследованию партии «Алаш» в 20-е гг., голоду 1921–1922 гг., голоду 1932–1933 гг. и декабрьским событиям 1986 г., особо подчеркивая важность памяти о трагических инцидентах в контексте понимания ценности независимости². Тем самым Токаев определяет репертуар исторических событий, которые окажутся в центре как политики памяти, так и политики идентичности Казахстана в ближайшее десятилетие.

Целью данной статьи стало определение динамики фреймирования голода в речах президентов Казахстана и их представителей. Для этого был использован динамический фрейм-анализ Яноу и ван Хульст, в центре которого находится анализ фреймирования и интерпретации нарративов о каком-либо событии. Фреймирование определяется как процесс конструирования смыслов, который ведет к формированию определенного видения мира. Фреймирование начинается, когда группа акторов сталкивается с новыми событиями в окружающем мире. С целью интерпретации нового опыта акторы фреймирования привносят прошлый опыт для интерпретации уникальных ситуаций в настоящем (Яноу и ван Хульст, 2011: 104–105). Актеры фреймирования транслируют непрерывно модифицирующиеся политические нарративы, фреймирующие и рефреймирующие события (Яноу и ван Хульст, 2011: 100). Анализ фреймирования события позволяет определить изменение или сохранение трактовок, установить преемственность между нарративами о событиях через рассмотрение динамики способов говорения о них, наличие в нарративе элементов прошлых повествований, опровержение элементов прошлых нарративов, реинтерпретацию проблем в новых нарративах (Яноу и ван Хульст, 2011).

Для проведения анализа были отобраны выступления президентов Казахстана, а также генерального секретаря страны, приуроченные ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода или связанные с актами коммеморации голода (открытие памятников, конференций), доступные на официальном сайте президента Республики Казахстан. Объектами анализа стали выступления и обращения к народу президентов Казахстана 1997 г., выступление 2008 г., два выступления 2012 и 2015 гг., обращения к народу 2020–2021 гг., а также выступления государственных секретарей Казахстана: семь выступлений в период с 2015 по 2018 г. и два в 2021 г. Анализируя памятные речи президентов Казахстана и их представителей, приуроченные ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода, можно составить представление о том, как инструментализируется тема голода в политике идентичности Казахстана и как это изменяется во времени.

Голод 1932–1933 гг. в Казахстане в соперничающих нарративах

Сторонники построения национальной общности Казахстана, основанной на культуре титульного этноса, начиная с конца 1980-х гг. стали обращаться к теме голода, что привело, например, к учреждению Национальной комиссии по расследованию голода 1930-х гг. В комиссию вошли как представители государственной власти (чиновники, генпрокурор, судьи), так и представители общественности, а также были представлены профессиональные сообщества (юристы, историки). На основе имеющихся данных (архивные документы, свидетельства очевидцев, печатные издания и стати-

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-otkrytii-monumenta-pamyati-zhertv-golo (дата обращения: 20.04.2023).

¹ Токаев, К. (2021) 'Тәуелсіздік бәрінен қымбат', *Интернет-издание 'Egemen Qazaqstan'*. URL:

<https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat>. (дата обращения: 10.04.2023).

² Там же.

стика) члены комиссии пришли к выводу, что голод возник в результате халатной политики центральных властей и охарактеризовали его как «имеющий признаки геноцида», направленного на уничтожение кочевых казахов¹.

Данная комиссия предлагала провести рассекречивание архивных документов, которые были связаны с голодом, а также скорректировать учебные программы в школах по предмету «история» с учетом новой трактовки событий². Однако предложения комиссии отчасти так и не были воплощены.

В 1997 г. на фоне нарастания националистических настроений в стране государство вновь обращается к теме политических репрессий и голода 1930-х гг. в Казахстане. В результате был учрежден День памяти жертв политических репрессий, который стали отмечать 31 мая. Начиная с 2012 г. к названию дня памяти на сайте президента Казахстана и в СМИ добавляют «... и голода».

В 1998 г. была сформирована Комиссия Сената Парламента Казахстана по реабилитации всех категорий жертв политических репрессий. Ее целью, по словам председателя С. Касымова, было «устранение исторической несправедливости», также планировалось поднять вопрос о статусе голода 1932–1933 гг.³ Однако годом позже комиссия была расформирована, а Касымов стал представителем президента Назарбаева в Мажилисе Парламента Казахстана. Можно отметить, что формирование комиссии проходило на фоне принятия подобных законов и учреждения институтов памяти в Восточной Европе и, в частности, Украине, где тема голода 1932–1933 гг. стала важным элементом политики памяти страны.

Можно выделить несколько ключевых составляющих этнонационалистического нарратива о голоде 1932–1933 гг. в Казахстане.

Во-первых, выбор обозначения для голода. В случае Украины голод 1930-х гг. по аналогии с холокостом был назван голодомором. В случае Казахстана были предприняты попытки закрепления за голодом названий «Великий джунт» (это заглавие первой книги о голоде в Казахстане, изданной в 1991 г. Валерием Михайловым, означающее «падёж скота»), «Ашаршылык» (сильный голод, приводящий к множественным смертям) и «Зулмат». Но в русскоязычной прессе казахских националистов по аналогии с Украиной голод принято называть «голодомор».

Во-вторых, интерпретация голода как геноцида. В рассматриваемом нарративе коллективизация описывается как инструмент геноцида. Данная интерпретация в случае Казахстана подкрепляется апелляциями к исследованиям, согласно которым в голод 1930-х гг. погибло до трех миллионов человек, а откочевало за пределы СССР – до 600 тыс., что равно половине проживавших в тот момент на территории страны людей. Также отмечается, что коллективизация помимо голода привела к разрыву с традиционными для казахов ценностями и замещением их внешними, что вело к разрушению их уникальной идентичности и смешиванию с прочими народами СССР.

В-третьих, четкая артикуляция виновного в голоде. В этнонационалистическом нарративе персонализированы виновные в голоде: это Голощекин, руководитель Казахстана в 1930-е гг., и Сталин как глава государства. Подобная определенность идет вразрез с официальной интерпретацией, в рамках которой используются чаще безличные «преступный режим» или «тоталитаризм».

Таким образом, можно отметить, что голод интерпретируется в этнонационалистическом нарративе как геноцид, вина за который возлагается на руководство СССР, что требует юридической фиксации и проведения декоммунизации в стране.

В 2018 г. в Казахстане была зарегистрирована политическая организация «Жаңа Қазақстан», которая подготовила меморандум о признании голода геноцидом казахского народа. Данный документ не получил дальнейшего хода, но обсуждался в национальных СМИ⁴.

Меморандум был представлен А. Сарымом, одним из руководителей движения. В документе призывалось принять законы о декоммунизации и голоде 1932–1933 гг., а также подчеркивалась необходимость «дать юридическую и правовую оценку по признакам массовых убийств, геноцида и

¹ Текст Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации (1992), *National digital history of Kazakhstan*. URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/6> (дата обращения: 20.12.2022).

² Там же.

³ Касымов, С. (2009) Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана [Электронный ресурс], *Zona.kz*. URL: <https://zonakz.net/2009/12/02/%D0%BC%D1%8B%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C-%D1%82%D0%B5%D1%85-%D0%BA%D1%82%D0%BE-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%8F-%D0%B7%D0%B0-%D1%81%D0%B2/> (дата обращения: 03.12.2022).

⁴ О признании геноцида казахов (2018) [Электронный ресурс], *Матрица.kz*. URL: <https://matritca.kz/old/news/54004-o-priznanii-genocida-kazahov-pravovye-osnovy-i-politicheskaya-ocenka.html#sel=25:1,25:34;1:1,1:9> (дата обращения: 03.05.2023).

прочих преступлений против человечности коммунистического режима»¹. Интересно заметить, что Сарым в 2019 г., после транзита власти от Назарбаева к Токаеву, вошел в состав правящей партии «Нур-Отан», а после ее ребрендинга стал членом правления партии «Аманат».

Как уже отмечалось ранее, в советские годы голод 1932–1933 гг. в Казахстане не обсуждался публично, ввиду чего нет сложившегося советского нарратива о голоде. Вместе с тем обсуждение голода в публичном пространстве после 1991 г. привело к формированию групп, реакционно настроенных по отношению к этой теме, что усиливалось в их случае ностальгией по советскому прошлому. Таким образом сформировался советско-ностальгический нарратив.

Сложно выделить акторов, которые участвовали бы в борьбе за интерпретацию голода 1932–1933 гг. с позиций советско-ностальгического нарратива.

Логично предположить, что одним из ключевых акторов могла бы стать Коммунистическая партия Республики Казахстан, которая объявила себя преемницей Коммунистической партии КССР, но с конца 1990-х гг. она в парламенте страны не представлена и в данный момент занимает незначительное положение в политическом ландшафте страны.

Советско-ностальгический нарратив занимает маргинальные позиции в Казахстане. Можно найти отдельные электронные СМИ на русском языке, которые, обсуждая тему голода 1930-х гг., интерпретируют ее актуализацию «стремлением расколоть страну». Часто упоминаются «украинский сценарий», «отрицание исторической общности с Россией», «след Госдепа», стремление переложить вину за голод с казахов на русских. Авторами подобных статей подчеркивается, что голод был на территории всего СССР, а вина возлагается на неблагоприятные условия погоды и издержки плановой экономической системы².

В то же время важно отметить, что проанализированные источники не позволяют сказать о существовании ярко выраженного отрицания голода. Напротив, в статьях говорится о том, что голод был на территории всего СССР, а интерпретация его как геноцида по «украинскому сценарию» может привести к расколу внутри страны и ухудшению отношений с Россией. В связи с чем предлагается не жить прошлым и смотреть в будущее³.

Если суммировать те немногие данные о советско-ностальгическом нарративе, можно отметить, что сам голод в его рамках не отрицается, но его актуализация определяется как попытка дестабилизации этнической ситуации в Казахстане, подчеркивается, что голод 1932–1933 гг. не геноцид, а часть общесоветской трагедии, а персонализация виновных либо опускается, либо вина переносится на погодные условия.

Голод 1932–1933 гг. в Казахстане в официальном нарративе

В данной части статьи представлен анализ фреймирования голода 1932–1933 гг. в официальном нарративе Республики Казахстан. Для этого были проанализированы речи властвующей элиты страны и выделены фреймы – определения события, используемые для распознавания группой уникальных ситуаций настоящего.

Анализируя выступления властвующей элиты Казахстана, можно отметить, что тема голода не является регулярно воспроизводимой в их риторике до 2012 г. Однако отдельные заявления делались в 1990-е и 2000-е гг.

В 1997 г. Назарбаев утвердил День памяти жертв политических репрессий. Интересно, что на официальном сайте президента Казахстана этот день иногда называют Днем памяти жертв политических репрессий и голода, хотя никаких редакций закона от 1997 г. об утверждении праздника нет. Добавление «голода» к памяtnому дню совпадает с выступлениями первых лиц Казахстана по теме голода 1932–1933 гг.

Подобное фреймирование голода как части советских репрессий можно связать с попыткой поиска баланса между националистической и общегражданской повестками в стране. Дабы перехватить тему голода 1932–1933 гг. у набирающих силы националистов, Назарбаев и Токаев уравнивают

¹ Там же.

² Ергалиев, Г. (2021) Отравленными национализмом массами легче управлять [Электронный ресурс], *Stan Radar*. URL: <https://stanradar.com/news/full/44567-kazahstan-otravlennymi-natsionalizmom-massami-legche-upravljat.html> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Жанайдаров, Д. (2023) Опасные параллели: почему Казахстану нельзя повторять ошибок Украины [Электронный ресурс], *Ведомости Казахстана*. URL: <https://kazvedomosti.kz/article/opasnye-paralleli-pochemu-kazahstanu-nelzya-povtoryat-oshibok-ukrainy/> (дата обращения: 15.05.2023).

репрессии и голод, усредняя их значение для всех этносов страны. «На нынешний год приходится сразу две даты, которые мы не должны забывать. Это 80-летие массового голода начала 30-х годов и 75-летие пика массовых политических репрессий сталинизма»¹.

В 2012 г. Назарбаев на сессии Ассамблеи народа Казахстана заявил, что Казахстан смог помочь спастись жертвам сталинских репрессий и стал для них новым домом². В 2016 г., снова выступая перед Ассамблеей, Назарбаев еще раз подчеркнет, что казахи «помогали жертвам сталинизма, никогда никого не обвиняли в бедах, пережитых в советское время, и смогли добиться независимости мирным путем, а сейчас строят свое государство, сплотив вокруг себя все этносы и конфессии страны»³. Пережитый опыт фреймируется как способствовавший складыванию мирного сосуществования разных народов в Казахстане при ведущей роли казахов: «Уже в новое время мы сделали ценности единства и согласия фундаментом общества, основой нашей особой казахстанской толерантности»⁴.

Интересно, что фрейм восприятия голода как общей трагедии Казахстана, Белоруссии, России и Украины использовался лишь на ранних этапах, например в 2012 г.: «Голод в Советском Союзе с 1932 по 1933 г. – один из худших периодов в истории человечества. Голод, разоривший не только Казахстан, но и Россию, Украину и Белоруссию, убил не менее 7 миллионов человек»⁵. Ранее, во время визитов в Киев в 2006 и 2010 гг., Назарбаев также называл трагедию общей. В 2012 г. это было важно в контексте создания Таможенного союза на территории этих государств. Частичный провал проекта и усиление националистического блока в Казахстане способствовали пересмотру этого пункта. Однако в выступлении государственного секретаря Абдылкаликовой, сделанном в 2016 г., можно наблюдать иную трактовку голода: «Кроме того, подвергнуты преследованию национальная интеллигенция казахов, демократическая партия “Алаш”, а искусственно организованный голод начала 1930-х гг. превратился в национальную трагедию»⁶. Голод начинает в большей степени восприниматься именно как национальная трагедия, а не общая травма постсоветских стран, и как искусственно созданное событие, что сближает официальный нарратив с этнонационалистическим. Это отчасти может быть связано с событиями 2014 г. на Украине, когда российское вмешательство в Крыму, Донецке и Луганске было с настороженностью встречено в постсоветских государствах, особенно в странах с большой долей этнически русского населения.

В то же время сохраняется отличная от националистов риторика, которая не возлагает вину на конкретный этнос: «Наша многоэтничность таким образом была искусственно создана. Но в этом нет вины людей, не по своей воле оказавшихся на нашей земле»⁷. Вина за голод 1932–1933 гг. возлагается на «преступный тоталитарный режим». Однако персонализация или конкретизация в речах не производится. Отчасти это можно связать со стремлением элит Казахстана сохранить добрососедские

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

² Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

³ Выступление Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана (2016), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazakhstana-nazarbaeva-na-hhii-sessii-assamblei-narodkazakhstana?q=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932–1933 гг., *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-otkrytii-monumenta-pamyati-zhertv-golo (дата обращения: 23.04.2020).

⁶ Выступление Государственного секретаря Республики Казахстан Г. Абдылкаликовой на пленарном заседании международной научно-практической конференции «Мәңгілік Ел» как феномен национальной истории и исторической памяти» (2016), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_speeches/vystuplenie-gosudarstvennogo-sekretarya-respubliki-kazakhstan-gabdykalikovoi-na-plenarnom-zasedanii-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi-konf (дата обращения: 23.04.2023).

⁷ Участие в мероприятии, посвященном Дню благодарности [Электронный ресурс], *Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы*. URL: <https://presidentlibrary.kz/ru/news/uchastie-v-meropriyatii-posvyashchennom-dnyu-blagodarnosti> (дата обращения: 23.04.2023).

отношения с Россией, преемницей СССР. Но, вероятно, в большей степени это связано с желанием сохранить благоприятный межэтнический климат в стране, избежать конфронтации казахов и русских. Стоит отметить, что после передачи власти от Назарбаева Токаеву подчеркивание невинности конкретных этносов в голоде 1930-х гг. сохранилось: «Я бы хотел это особо подчеркнуть. Потому что к гибели населения в годы коллективизации русский народ, как, впрочем, и русское руководство того времени, не имели никакого отношения», – заявил Токаев в программном интервью по случаю избрания президентом¹.

Количество жертв разнится от выступления к выступлению. Аналогичная ситуация с артикулируемыми последствиями. Ввиду этого спикеры подчеркивают, в частности, значимость изучения событий голода 1932–1933 гг.: «Обсуждение трагических страниц истории Казахстана первой половины XX в. является важным вкладом в процесс модернизации общественного сознания. Единство нации, в том числе и во взглядах на свою историю, есть необходимое условие дальнейшего прогресса страны»². Подобная риторика характерна для спикеров, выступающих на конференциях, посвященных репрессиям и голоду в Казахстане.

Наиболее частотным фреймом является определение голода как основной причины демографических проблем современного Казахстана. Употребление этого фрейма во многом связано с началом политики помощи в возвращении соотечественников на родину. Назарбаев акцентирует внимание на том, что в результате голода Казахстан покинуло более 600 тыс. чел. В то же время еще большее число людей покинуло Казахстан в 1990-е гг. после открытия границ и по мере становления авторитарного режима Назарбаева, за что его критиковали оппоненты внутри страны.

В целом репрезентация голода на ранних этапах не носила виктимный характер, а подавалась как трагедия, из которой казахи вышли победителями. «Разве было легко нашим дедам и отцам в этом столетии: в гражданскую войну, в периоды голода и мора, в годы массовых репрессий, в Великую Отечественную войну или в послевоенной разрухе?»³. В то же время в последние годы голод презентовался как травма, которую смогли преодолеть, но которая нанесла серьезный ущерб демографии. Отсюда выросла интерпретация голода как урока истории, события, которое не должно повториться.

В начале 1990-х гг. националистические движения, имевшие высокую популярность среди населения, внесли в общественную повестку дня вопрос памяти голода 1932–1933 гг. Причиной актуализации голода для них было стремление привлечь больше электората, который нужно было вернуть от России, а для этого требовалось разрушить миф о «прекрасном Советском Союзе», для чего идеальным инструментом могла служить тема голода 1930-х гг.

Однако это были низовые движения, они не имели доступа к властному ресурсу. Назарбаев, понимавший популярность идей националистов и желавший сохранить власть, заимствовал часть пунктов из политических программ националистических движений, в частности положения о трагедии голода, что позволило ему сохранить умеренных националистов на своей стороне. Все это находило отклик и в политике идентичности, которая в ранний период носила этнический характер, а не общегражданский.

Казахстан нуждался в тесном партнерстве с Россией, поэтому интерпретация голода теряет прежнюю категоричность. Назарбаев начинает говорить о том, что голод 1930-х гг. является общей трагедией народов бывшего СССР. Такой смене курса способствовал и сильный отток из страны городского населения, которое представляло собой узкую прослойку высококвалифицированных специалистов в разных сферах экономики, находившейся в кризисе, среди которых было много просоветски настроенных (в частности, этнически русских) граждан Казахстана.

Внутренние конфликты не способствуют стабильности режима. Стратегия формирования национальной идентичности, ядром которой была бы титульная нация, могла дестабилизировать баланс в стране из-за полиэтнического состава населения. Назарбаев принимает решение о конструировании гражданской идентичности, которая могла бы объединить все население республики. Отражение это-

¹ Русский народ ни при чем: Токаев высказался на тему голода 30-х годов (2019) [Электронный ресурс], *Sputnik*. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190721/tokaev-vyskazalsya-na-temu-goloda-11012706.html> (дата обращения: 23.04.2023).

² Қазақстан Республикасының Мемлекеттік хатшысы Гүлшара Әбдіқалықованың Қызылорда қаласындағы «Тарихи жады және тағылым – рухани жаңғырудың негізі» атты ғылыми-практикалық конференциядағы сөзінің тезистері (2017), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_speeches/kazakhstan-respublikasynyn-memleketitik-hatshysy-gulshara-abdikalykovany-n-kyzylorda-kalasyndagy-tarihi-zhady-zhane-tagylым-ruhani-zhangyrydun- (дата обращения: 23.04.2023).

³ Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана (1997), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-na-nazarbaeva-narodu-kazhastana-oktyabr-1997-g (дата обращения: 23.04.2023).

го можно найти в текстах, связанных с установлением памятных дат, которые закрепляли коммеморацию голода. В них репрессиям 1930-х гг. и голоду 1932–1933 гг. придается подчеркнута общесоветский характер.

Можно заключить, что трансформация интерпретации голода 1932–1933 гг. в Казахстане привела к изменению характера политического использования голода в стране. Если ранее голод использовался для исключения «виновных» этносов, то в последние годы приобрела четко выраженный инклюзивный характер (жертвами голода признавались все этносы страны, а роль виновных перекладывалась на политический режим, но не на конкретное сообщество).

Авторитарный характер государственности и отсутствие крупных свободных СМИ в регионе позволяли Назарбаеву сохранять существовавшую в конце 2010-х гг. интерпретацию голода 1932–1933 гг. как доминирующую и контролировать ее эволюцию. Существующие же контрнарративы в силу ситуации со СМИ в стране не смогли занять заметного положения и конкурировать по охвату аудитории с официальной интерпретацией голода.

Что же касается фреймирования голода различными группами Казахстана, то можно отметить, что радикальная трактовка голода как геноцида казахов отчасти находит отражение в официальном нарративе в таких определениях, как «результат преступной политики» и «искусственный голод». В то же время эта смягченная официальная версия, вероятно, позволяет избегать конфронтации с теми, кто интерпретирует голод как стечение обстоятельств. Однако официальное фреймирование как трагедии, но не геноцида позволяет избегать и международной напряженности, которая могла бы возникнуть в случае объявления материальных или иных претензий к России как преемнице СССР, что тоже могло бы спровоцировать внутренние конфликты как с настроенной ностальгически по СССР частью населения, так и с этнически русской.

Транзит власти в 2019 г. от Нурсултана Назарбаева к Касым-Жомарту Токаеву в самом начале, казалось, не должен был привести к серьезным трансформациям в политической жизни страны. Это же касалось политики памяти.

В апреле–июне 2019 г. в стране проходила президентская кампания, в ходе которой кандидаты в президенты воздержались от высказываний на тему голода 1932–1933 гг. Но после избрания президентом в июле 2019 г. Токаев все же прокомментировал тему голода. В программном интервью, вышедшем в рамках фильма «Президент 2.0», он отметил, что тема изучения голода актуальна в Казахстане, но рассматривается «без надрыва, без русской направленности»: «Я бы хотел это особо подчеркнуть. Потому что к гибели населения в годы коллективизации русский народ, как, впрочем, и русское руководство того времени, не имели никакого отношения»¹.

В мае 2020 г. Токаев публикует обращение к казахскому народу по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода, в котором продолжает линию Назарбаева в интерпретации голода. Голод все так же остается «трагедией», объявляется результатом «большого террора», наряду с репрессиями подчеркивается как составная часть процесса формирования казахстанской нации². Отклонением же от линии Назарбаева становится его заявление о создании Государственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Подобная институционализация стала знаком качественно нового этапа политики памяти в стране.

В январе 2021 г. начинается работа по формированию комиссии. В послании народу в День памяти жертв политических репрессий и голода 31 мая 2021 г. Токаев развивает прежний нарратив о голоде. Изучение голода и репрессий и установление точного числа их жертв – задача восстановления исторической справедливости³. Он также подчеркивает, что «трагические страницы истории стали неотъемлемой частью нашей национальной идентичности»⁴. Тогда же по его инициативе ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода Государственной комиссией по реабилитации жертв политических репрессий был подготовлен трехтомный сборник документов «Ашаршылык. Голод. 1928–1934», направленный в библиотеки и высшие учебные заведения страны.

¹ Русский народ ни при чем: Токаев высказался на тему голода 30-х гг. (2019) [Электронный ресурс], *Sputnik*. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190721/tokaev-vyskazalsya-na-temu-goloda-11012706.html> (дата обращения: 23.04.2023).

² Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода (2020), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_oth_er_events/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressii-i-goloda (дата обращения: 23.04.2023).

³ Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода (2021), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda-3042454> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Там же.

Заключение

Сопоставляя официальный нарратив с соперничающими, можно заключить, что власти Казахстана после 2012 г. пытаются лавировать между стремлением к забвению голода и низведению события до случайности, характерным для советско-ностальгического нарратива, и радикальным фрейммированием голода 1932–1933 гг. как геноцида казахского народа. Подобная стратегия позволяет избежать чрезмерной напряженности как внутри страны, так и за ее пределами.

Работая с трудным прошлым, властвующие элиты Казахстана не передают его забвению, напротив, традиция обращения президентов или их представителей по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода стала ежегодной, что подчеркивает актуальность темы голода для них. Тем более, что эта тема становится важной в контексте легитимации единства, межэтнической терпимости и независимости. В то же время, в отличие от Украины, не происходит процесса персонификации вины, тема голода не становится основой для легитимации России как негативного другого, что позволяет Казахстану не вступать в войны памяти.

В 2022 г. ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода не последовало официального заявления. Однако произошло значительное изменение в практике поминовения голода первым лицом государства. Единственный раз, когда Назарбаев официально принимал участие в мероприятиях, посвященных репрессиям и голоду 1930-х гг., был в 2012 г. на открытии мемориала жертвам голода 1932–1933 гг. в Астане. С тех пор президента в столице и регионах на мероприятиях представлял госсекретарь, а в регионах его обращение зачитывали главы областей или мэры городов. Мероприятия были сугубо светского характера. Подобная практика продолжалась и первые три года правления Токаева. Но в 2022 г. президент начал День памяти жертв политических репрессий и голода с поминальной молитвы в мечети «Хазрет Султан» на тот момент в Нур-Султане, а после там же возложил цветы к первому мемориалу жертвам голода, в 2012 г. открытому Нурсултаном Назарбаевым.

С этого момента, можно предположить, начинается новая веха в политическом использовании темы голода в Казахстане. Особая роль голода в формировании казахстанской нации неоднократно подчеркивалась президентами Назарбаевым и Токаевым. Но последний в своей статье «Независимость превыше всего» заявляет о необходимости изучения голода и репрессий для формирования той интерпретации прошлого, которая бы не раскалывала нацию (Токаев, 2021). Так что в ближайшем будущем можно ожидать трансформации официального нарратива о голоде 1932–1933 гг.

Что же касается соперничающих нарративов, то можно отметить, что в условиях ограниченных ресурсов и отсутствия у них доступа к крупным СМИ, их трансляция на широкие слои общества все так же будет ограничена, тем не менее стоит ожидать изменений и в их фрейминге голода.

Список литературы / References

- Ассман, А. (2019) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва, Новое литературное обозрение. [Assman, A. (2019) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* [Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)].
- Кондрашин, В. (2018) *Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни*. Москва, Политическая энциклопедия. [Kondrashin, V. (2018) *The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village* [Golod 1932–1933 godov: tragedija rossijskoj derevni], Moscow, Politicheskaja jenciklopedija. (In Russ.)].
- Кэмерон, С. (2020) *Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана*. Москва, Новое литературное обозрение. [Cameron, S. (2020) *The hungry steppe: famine, violence, and making of soviet Kazakhstan* [Golodnaja step': Golod nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazahstana]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Плотников, Д. (2018) 'Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1. [Plotnikov, D. (2018) 'Changes in Surveillance Policy in Russia's Allied States in the Post-Soviet Space after 2014' [Izmenenija v politike pamjati v gosu-

- darstvah – sojuznikah Rossii na postsovetskom prostranstve posle 2014 goda], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 1. (In Russ.).
- Яноу, Д., ван Хульст, М. (2011) 'Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования', *Социологическое обозрение*, 10 (1–2), сс. 87–113. [Janou, D. i van Hulst, M. (2011) 'Frames of the political: from frame analysis to framing analysis' [Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovanija], *Sociologicheskoe obozrenie*, 10 (1–2), pp. 87–113. (In Russ)].
- Art, D. (2006) *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coakley, J. (2012) *Nationalism, Ethnicity and the State: Making and Breaking Nations*. SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781473915107.
- Dixon, J. (2018) *Dark Pasts: Changing the State's Story in Turkey and Japan*. Cornell University Press.
- Finkel, E. (2010) 'In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe', *Global Society*, 24(1), pp. 51–70, DOI:10.1080/13600820903432027.
- Heisler, M. (2008) 'The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 617, pp. 14–24, DOI: 10.1177/0002716208315024.
- Malinova, O. (2021) 'Politics of Memory and Nationalism', *Nationalities Papers*, 49(6), pp. 997–1007, DOI: 10.1017/nps.2020.87.
- Richter, J. (2019) 'Famine, Memory, and Politics in the Post-Soviet Space: Contrasting Echoes of Collectivization in Ukraine and Kazakhstan', *Nationalities Papers*, 48(3), pp. 476–491, DOI:10.1017/nps.2019.17.
- Rutland, P. (2023) 'Thirty Years of Nation-Building in the Post-Soviet States', *Nationalities Papers*, 51(1), pp. 14–32, DOI:10.1017/nps.2021.94.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 11.07.2023

Статья принята к печати: 18.07.2023

INSTRUMENTALIZATION OF THE SUBJECT OF THE FAMINE OF 1932–1933 IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: FRAME ANALYSIS OF PUBLIC SPEECHES OF THE REPUBLIC'S LEADERSHIP

E. A. Varfolomeev

E. A. Varfolomeev, postgraduate student,
Faculty of Social Sciences, Department of Politics and Administration, Graduate School of Political Science,
National Research University "Higher School of Economics", Russia, Moscow.
E-mail: egor_varf@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5349-9448. Researcher ID: ABE-3755-2021).

Abstract

Using the past for political purposes is a powerful tool in the formation of identities. Post-Soviet countries demonstrate various strategies when dealing with the memory of the past. This article focuses on the political use of the topic of the famine of 1932-1933 in Kazakhstan. This topic is usually associated with Ukraine, however, starting from 2012, the famine of 1932-1933 has become one of the tools for shaping national identity in Kazakhstan. This article uses Yanow and van Hulst's dynamic frame analysis to determine the dynamics of famine framing in the speeches of Kazakhstan's presidents and their representatives. The central question of this article is how the famine of 1932-1933 is framed by the ruling elite, and what common and distinctive features can be identified through comparison with the famine framing in competing narratives. The analysis shows that the ruling elites of Kazakhstan present the famine as an artificially created tragedy without focusing on the culprit. The constructed official narrative thus differs from rival narratives in its diplomatic language. This both helps to maintain internal balance and avoids memory wars in the international arena, which distinguishes the case of Kazakhstan from the case of Ukraine.

Keywords: Republic of Kazakhstan; politics of memory; political use of the past; frame analysis; narratives; famine of 1932-1933.